

НУК

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXIV.

1915.

Л. И. Войнаральский о вымирании якутовъ.

Въ числѣ писемъ, которыми мнѣ пришлось обмѣняться въ Якутской области, во время первой всеобщей народной переписи, съ покойнымъ П. И. Войнаральскимъ, помѣстившимъ нѣсколько статей, за подпись „Огонеръ“ (по-якутски—Старикъ), въ сибирскихъ periodическихъ изданіяхъ и затѣмъ статью въ журналѣ „Сельское Хозяйство и Лѣсное производство“ (1897 г.) по вопросу о приполярномъ земледѣлії¹, имѣется одно письмо, представляющее „резюме медицинскихъ наблюденій“ автора и рисующее „картины тѣхъ животно-патологическихъ процессовъ, которые ведутъ къ вымиранию громадное большинство (якутскихъ) семей“. Письмо это помѣчено 25 января 1897 г. Привожу его въ извлечениі, съ необходимыми пояснительными примѣчаніями.

„Процессъ физиологического вымирания (якутскихъ семей) несомнѣнъ; онъ такъ рѣзко ясенъ и бросается въ глаза, что едва ли его можно оспаривать... Какъ данный периодъ моей медицинской практики, такъ и бывшія ранѣе подобныя же наблюденія за все время моей жизни среди якутовъ окончательно привели меня къ такому выводу: не водка, не сифилисъ, не табакъ, не тому подобные какіе-либо другие предметы роскоши и разврата здѣшнихъ культуртрегеровъ подорвали силы этого когда-то мощнаго, хотя бы физическою силою, населенія... Не въ этомъ суть, какъ хотятъ нась увѣрить иногда даже очень либеральные защитники инородцевъ.

Все это—частности, и въ глуби тайги вліяніе этихъ разрушающихъ факторовъ совершенно умаляется. Дѣло же въ томъ, что русская культура оказалась безсильна (если можно выразиться, культура—по своей безкультурности) подорвать въ корнѣ архаическая патріархальные отношения инородцевъ и въ то же время, выкинувъ знамя свободы обмѣна и преклоняясь предъ процессомъ обильного вывоза изъ края (обильный - де вывозъ говорить несомнѣнно - де о богатствѣ края?!), дала толчокъ, а затѣмъ и содѣйствіе къ превращенію былого демократического патріархата, не чуждаго нуждамъ ихъ сородовичей, въ рѣзко обособленный немногочисленный классъ родовой и въ то же время денежной олигархіи—хищниковъ, сильныхъ не только бывшими

¹ См. о Войнаральскомъ у А. И. Фаресова: Семидесятники. Очерки общественныхъ и политическихъ движений въ Россіи (СПб. 1905 г.), глава: Порфирій Ивановичъ Войнаральский.

своимъ вліяніемъ и экономическою мощью, но и поддержкой русскихъ культурныхъ элементовъ въ лицѣ администраціи, либеральной буржуазіи... и т. д. Результаты сказались скоро: рядомъ съ прежнимъ нравственнымъ безсиліемъ массы завершается уже процессъ и физіологического ея безсилія. Скотъ сплылъ вверхъ по Ленѣ. Оставшаяся его часть сгруппировалась въ рукахъ этихъ олигарховъ. Потребленіе мяса, масла и даже кумыса или молока въ достаточномъ количествѣ стало рѣдкостью... Потребность въ „травѣ и деревѣ“¹, а также въ гнилой мундуше²—не ослабла. Прежде эта пища хоть сдабривалась молочными продуктами; теперь, за недостаткомъ ихъ, она имѣеть только одно значеніе — предохранительного средства отъ цынги (и это слава Богу...), но, какъ пищевое вещество, она теряетъ все болѣе и болѣе: переваримость ея становится все труднѣе и труднѣе для разслабленыхъ якутскихъ желудковъ... Чай—чай, какъ деготь—сталъ потребностью и главною пищею, ибо, замедляя пищевареніе, даетъ возможность не чувствовать голода, а отсюда еще большее ослабленіе желудка, какъ пищеварительной машины. Какъ бы ни былъ способенъ человѣческій организмъ ко всякаго рода „приспособленіямъ“ въ смыслѣ лишеній, но извольте-ка тутъ лишить желудокъ, а затѣмъ и кровь необходимой для организма пищи примѣрно наполовину да задубите оболочки желудка самымъ сильнымъ дубильнымъ веществомъ, дѣлающимъ ихъ почти непроницаемыми для всякихъ со-ковъ, а потомъ введите туда баc³, лукъ, чертополохъ и т. д.—и чего же тогда мы должны ожидать?.. Если теперь мы видимъ, что при такомъ желудкѣ и такой пищѣ якуть еще живъ и работаетъ, то это, поистинѣ, фактъ такого порядка, для констатированія котораго, право, стоило бы отправить подобный препаратъ, какъ экспонатъ, на предстоящую Парижскую выставку 1900 г. Полагаю, такой экспонатъ былъ бы драгоценнѣе для науки и соціологовъ, чѣмъ всѣ фокусы-покусы въ сферѣ техническихъ изобрѣтеній...

Правда, потребленіе муки стало существеннымъ фактомъ и до известной степени вытѣснило потребленіе травъ и дерева... Но и тутъ опять потребленіе въ видѣ каши съ млекомъ и масломъ недоступно; до печенія хлѣба не дошли, а сухая лепешка съ обиліемъ древесины едва ли лучше для истощенного и продубленного желудка, чѣмъ и другія травы...

Притомъ олигархія и тутъ спѣшить наложить руку на расширение посѣвовъ: копай-де, т.-е. расчищай землю, въ тайгѣ, а саилыки⁴ болѣе не трожь! Благо—у кого есть достаточно мощности преодолѣть тайгу,

¹ Растительность по-якутски называется: от-мас, чтѣ значить буквально трава - дерево.

² Мелкая озерная рыбка *Phoxinus regius*, по-якутски: мунду.

³ Якутское слово: сосновая заболонь; употребляется якутами въ пищу.

⁴ Лѣтніе скотскіе выгоны.

а у кого оной нѣть? До этого олигархамъ нѣть дѣла; имъ, прежде всего, нужно оставить просторъ для ихъ обильныхъ стадъ, т.-е. тотъ просторъ, который большинству уже пересталъ быть нужнымъ по ничтожности размѣра ихъ скотоводства...

И вотъ, въ резулѣтатѣ всего этого, наблюдателю якутскихъ желудковъ и вообще физіолого - патологическихъ отправлений окружающихъ догоровъ¹ открывается характерная серія безконечныхъ катаровъ кишокъ, желудка и пищевода (это послѣднее очень характерно, такъ какъ патология Европы говоритъ, что катаръ пищевода — явленіе рѣдкое; тамъ преобладаетъ катаръ кишокъ, а здѣсь — наоборотъ: кишка страдаетъ рѣдко, зато отвѣчаетъ пищеводу); малокровіе, диспепсія съ разнообразнымисложненіями; золотушныя язвы, безъ подкладки сифилиса, а именно отъ истощенія; разбиты нервы, разыгравающіе самыя разнообразныя аріи, начиная съ „тарымта“², „омеряченъ“³, „галлюцинацій“⁴ и кончая безпричиннымъ отвращеніемъ къ той или другой пищѣ, обусловливающимъ первную рвоту... Даже факты летаргіи, какъ говорятъ, прежде неизвѣстные здѣсь, стали знакомы нашимъ догорамъ.

Несомнѣнно, что въ основѣ многихъ изъ этихъ нервозовъ лежитъ не одно истощеніе, но, какъ удалось мнѣ констатировать не одинъ разъ, иненормальность половыхъ органовъ (сношеній? Э. П.) — съ одной стороны и злоупотребленіе кровопусканіемъ — съ другой. Послѣднее ясно и, пожалуй, легко можетъ быть понято нашими догорами, но вотъ позвольте убѣдить въ тѣсной связи, напр., „тарымта“ съ преждевременными грѣхами отрочества. А вѣдь факты говорятъ, что дѣвочки вступаютъ въ супружескія отношенія далеко ранѣе половой зрѣлости. Начало такихъ отношеній въ 12 лѣтъ, а тѣмъ болѣе въ 14, не особенно-то и скрывается больными бабами. И на замѣчаніе, что ихъ болѣзнь (нервная) и страданіе легкихъ есть результатъ такой ранней супружеской жизни, нерѣдко встрѣчаешь полный увѣренности и насмѣшилій отвѣтъ, что это-де вздоръ, такъ какъ почти-де всѣ дѣвки такъ дѣлаютъ. Что ведеть къ этому: невѣжество, распущенность или

¹ Догоръ (добор) по-якутски значитъ: другъ, товарищъ, братъ, братецъ (при обращеніи другъ къ другу).

² Тарымта — очень распространенная истерическая болѣзнь; якутки, одержимые ею, бываютъ часто шаманками.

³ Болѣзнь chorea imitatoria, при которой человѣкъ, ей подверженный (бмурѣх), при испугѣ, подражаетъ движеніямъ окружающихъ и повторяетъ ихъ слова, хотя бы эти движенія были неприличны и слова скабрезны.

⁴ Слыхали ли вы, что здѣсь на Амгѣ появился молодой парень, видѣвшій во время сѣнокосной работы „Св. Николая“, который разяснилъ ему, что курить табакъ — великий грѣхъ. И вотъ теперь онъ, не отрываясь отъ работы, но сдѣлавшись богомольнымъ, ведетъ пропаганду противъ табака. И многія бабы уже побросали курить. Знаменіе времени!

Примѣч. Войнаральскаго.

нужда? Вопросъ интересный и сложный, но разрѣшать его не берусь, конечно. Могу лишь констатировать, напр., то, что въ богатыхъ семействахъ въ основѣ болѣзней—такой причины въ раннихъ половыхъ отправленияхъ я не встрѣчалъ. И наоборотъ, въ такихъ семьяхъ половая зрѣлость наступаетъ ранѣе, чѣмъ у бѣдныхъ (такъ, одна бѣдная якутка должна была признаться, что она „начала быть женщиной“, т.-е. „увидѣла крови“, въ 12 лѣтъ). Значить, степень нужды отражается и тутъ, что, впрочемъ, довольно понятно.

Затѣмъ, я знаю и видѣлъ не разъ, какъ у тунгусовъ малыя дѣти, уже сосватанныя, спали въ одномъ оленѣмъ мѣшкѣ голыми,—конечно, ясно, что такія условія неизбѣжно вызывали преждевременныя и крайне вредныя физіологическія отправленія. А не говорить ли это, что такія отношенія дѣтей, на глазахъ родителей, есть не результатъ какой-либо безнравственной распущенности, а скорѣе результатъ сознательного желанія скрѣпить прочнѣе союзъ двухъ семей, т.-е. тотъ союзъ, который обѣимъ сторонамъ выгоденъ въ ихъ трудной бродячей жизни въ камняхъ и тайгѣ?..

Возвращаюсь къ серии болѣзней. Струка: катаръ пищеводца, желудка, диспепсія, малокровіе, золотуха, нервозы всѣхъ видовъ—должна быть закончена глазными болѣзнями, преимущественно у женщинъ, что весьма понятно, такъ какъ имъ приходится болѣе мужчинъ возиться у камелька.

И такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ не что иное, какъ цѣлый укладъ экономическихъ и бытовыхъ отношеній, то какое лѣченіе тутъ можетъ помочь и предотвратить постепенное вымирание или ослабленіе молодого поколѣнія? Правда, естественное чувство человѣколюбія не можетъ быть удовлетворено и задушено такимъ разсужденіемъ. И потому, невольно, ломаешь голову: нельзя ли что придумать, чтобы хотя отчасти ослабить страданія всѣхъ этихъ обездоленныхъ и болѣющихъ догоровъ.

Но объ этомъ когда-нибудь послѣ...“

Своего намѣренія П. И. Войнаральскому не пришлось исполнить, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ не дождался отъ меня „дополненій“, на которыхъ разсчитывалъ.

Сообщилъ Эд. Пекарскій.

Сойотская сказка объ Охлизолѣ¹.

Въ степи, гдѣ течеть Кемчикъ, жилъ Охлизолъ. Онъ былъ совсѣмъ одинъ и достаточно бѣденъ. Все его богатство состояло изъ семи гнѣдыхъ коней, совершенно гнѣдыхъ и совершенно одинаковыхъ. Скучно стало Охлизолу одному жить, и рѣшилъ онъ чужія страны посмотретьъ. А слышалъ онъ, что вся земля изъ семи царствъ, и сталъ раскидывать умомъ Охлизолъ: „У меня есть семь хорошихъ гнѣдыхъ коней; неужели я не могу объѣхать на нихъ всей земли, осмотрѣть всѣ царства?“ Рѣшился и поѣхалъ. Ёдетъ день, ёдетъ два, много дней ёдетъ. И вотъ, видѣтъ хороій кормъ—есть гдѣ лошадей откорить. Разсѣдалъ коня, стреножилъ его; то же сдѣлалъ и съ тѣми, которые порожнякомъ шли, и пустилъ ихъ кормиться. Самъ развелъ огонь, поѣль арджи², напился воды и спать легъ. Утромъ встаетъ, идетъ коней смотрѣть, а тотъ коль, на которомъ онъ ёхалъ, мертвый лежитъ—волки задавили. Не опечалился Охлизолъ, думаетъ: „У меня осталось еще шесть коней, есть еще на чёмъ всю землю объѣхать, всѣ царства осмотрѣть“. Засѣдалъ другого коня и поѣхалъ. Ёхалъ утро и день, немного и ночи прихватилъ, а когда утромъ пошелъ собирать коней, видигъ, что волки опять одного коня задрали. Не опечалился Охлизолъ, осѣдалъ новаго коня и поѣхалъ. Ёхалъ до темноты, здорово ёхалъ; соспуль, а утромъ опять одного коня не досчитался: опять волки съѣли. Не опечалился и тутъ Охлизолъ, осѣдалъ новаго коня и поѣхалъ дальше. Ёдетъ, пѣсни поетъ, „хемилязить“³—не грустить. Еще есть довольно коней у него, еще есть на чёмъ ёздить, есть на чёмъ царства осматривать. Въ эту ночь волки опять съѣли у него коня. И такъ каждую ночь, пока не остался одинъ послѣдній конь у Охлизола, да и его не пожалѣли волки. Въ ту ночь, когда Охлизолъ не спать и караулилъ послѣдняго коня, пришелъ къ нему большой, большой волкъ и говорить ему:

— А знаешь что, Охлизолъ? я хочу съѣсть у тебя этого коня.

Охлизолъ недолго думалъ:

— Что же, синеглазый (кукъ-куракъ), ёши!

¹ Сюжетъ сказки объ Охлизолѣ-сиротѣ имѣеть много общаго съ сюжетомъ сойотской же сказки „Ускеизе-оль“, записанной Г. Н. Потанинымъ (Очерки сѣверозападной Монголіи. Вып. IV, стр. 588—590).

Предлагаемый варіантъ записанъ съ перевода Б. М. Порватова. Пользуюсь случаемъ выразить за это Б. М. Порватову глубокую благодарность.

² Сухой творогъ.

³ Свистить горломъ.

Волкъ тутъ же, на глазахъ Охчизола, съѣлъ послѣдняго коня.
Тогда Охчизоль говорить ему:

— Ну, волкъ, теперь ты съѣлъ всѣхъ моихъ коней, а пѣшкомъ я не привыкъ ходить: теперь ты вези меня самъ.

Не успѣлъ волкъ чавкнуть зубами, какъ Охчизоль захлеснулъ его. Волкъ видитъ, что ему смерть приходитъ, и давай уговаривать Охчизола:

— Я тебѣ все сдѣлаю, что велиши; держись за конецъ аркана и иди за мной.

Взялъ Охчизоль конецъ аркана и пошелъ за волкомъ. Вель его волкъ, вель, и по тайгамъ, и черезъ горы, и по степи, и по караганникамъ вель; наконецъ, привелъ его къ какой-то юртѣ и говорить:

— Заходи въ юрту; тамъ живеть мой отецъ. Будуть тебѣ подарки давать—ничего не бери, а возьми ящикъ, убранный серебромъ, да кошку: тутъ все счастье твое!

Оглянулся Охчизоль, а волкъ, какъ дымъ, пропалъ.

Входить Охчизоль въ юрту, смотрить—старикъ сидить, а около ящиковъ, что по бокамъ юрты стоять, кошка лежить. Поздоровался Охчизоль:

— Здравствуй, старикъ! Какъ поживаетъ твой скотъ?

— Ты здоровъ ли, пріятель?—отвѣчаетъ старикъ:—Какъ твой скотъ?

Вынулъ трубку изъ сапога Охчизоль, набилъ ее табакомъ, раскуриль отъ уголька и подалъ старику. Курить старики трубку и разспрашиваетъ Охчизола (не торопится), откуда и куда онъ ъдетъ, гдѣ у него юрта. Налилъ Охчизолу чашку чаю, придинулъ кувшинъ съ чаемъ, поставилъ чашку съ „уремэ“ и „толканомъ“. Сталъ Охчизоль чай пить и рассказывать:

— Я—одинъ; у меня никого нѣть—круглый спрота. Я бѣденъ, какъ самый бѣдный урянхаецъ; было у меня всего-то семь гнѣдыхъ коней, да и тѣхъ твой сынъ съѣлъ. Вотъ, я пришелъ къ тебѣ жаловаться на него. Чѣмъ ты теперь заплатишь за моихъ коней?

— Заплачу тебѣ скотомъ: ступай въ табуны и выбирай, что тебѣ понравится!

— Нѣть, не хочу я получать скотомъ,—твой сынъ опять съѣсть!

— Ну, тогда возьми что-нибудь изъ юрты; въ юртѣ у меня достаточно всякаго добра.

Сталь Охчизоль разсматривать всякое добро въ юртѣ. Долго онъ осматривалъ, присматривался, все ощупывалъ... Наконецъ, говоритъ:

— Много у тебя, старики, всякаго добра, но многаго мнѣ не надо; дай только маленький ящикъ да кошку.

Опечалился старики, сталъ предлагать другое, торговался, но Охчизоль все стоитъ на своемъ. Пришлось старику отдать Охчизолу и кошку и шкатулку. Взялъ Охчизоль кошку на руки, шкатулку положилъ на полъ.

жиль за халать и пошелъ. Шелъ онъ недолго, видить—пастухъ овецъ пасеть.

— Чьи это овцы, пріятель?

— Охлизола.

— А сколько въ табунѣ овецъ у тебя?

— Да тысячи двѣ-три будетъ.

— Неужели я такой богатый?! — подумалъ Охлизоль и пошелъ дальше.

Встрѣчается ему опять пастухъ—пасеть коровъ.

— Здравствуй, пріятель! Чей это скотъ?

— Охлизоловъ.

— А сколько скота въ табунѣ?

— Да тысячи двѣ-три будетъ.

— Развѣ я такой богатый?—не вѣрить Охлизоль.

Идетъ дальше; опять встрѣчается ему пастухъ—коней пасеть.

— Здравствуй, старикъ! Какъ здоровье твоего скота? Хорошіе у тебя кони. Чей это табунъ?

— Охлизола.

— А сколько коней въ табунѣ?

— Да тысячи двѣ-три будетъ—отвѣчаетъ пастухъ.

Не вѣрить Охлизоль своему счастью, но не смѣеть и хорошо разспрашивать пастуховъ. Прошелъ еще немного, опять встрѣчаетъ пастуха. Этотъ пастухъ пасеть верблюдовъ. Узналъ Охлизоль, что двѣ-три тысячи верблюдовъ—тоже его. Отъ радости Охлизоль дышать не можетъ. Ослабѣлъ онъ и спать захотѣлъ,—такъ захотѣлъ, что итти дальше не можетъ, но все-таки немного прошелъ еще. Видить—ключикъ течетъ. Напился Охлизоль воды изъ ключика, взошелъ на бугорокъ, положилъ себѣ подъ голову ящичекъ, а кошка отъ него не отходитъ, все жмется, все ласкается. Заснуль... Сколько спаль онъ—не помнить; проснулся въ большой юртѣ, устланной „шерда-ками“¹. Кругомъ стѣнѣ много ящиковъ стоитъ. Среди юрты очагъ горить, и какая-то красивая - красивая (черашъ, ханджукъ черашъ) дѣвушка „урэмэ“ варить. Поглядѣлъ Охлизоль, а ящика и кошки нѣть, драный же, старый халать у входа въ юрту лежить. Жмется голый Охлизоль на полу юрты, съ боку на бокъ переворачивается, а встать не хочетъ.

— Что же ты такъ долго валяешься, Охлизоль? Чай надо пить,—вставай!

— Подай халать!

Дѣвушка бросила Охлизолу драный халать, а къ ногамъ Охлизола упалъ новый, шелковый.

— Это не мой халать.

— Нѣть, твой; я тебѣ еще много нашила,—есть и получше.

¹ Войлокъ.

— Да кто ты такая?

— Я—твоя жена, а это—наша юрта. Вставай, Охлизоль, чай пить!

Всталъ Охлизоль, надѣлъ халатъ и видѣть, что и самъ онъ сталь красавцемъ-парнемъ. Такъ они и стали жить вмѣстѣ. Оба молодые, оба красивые и богатые, и довольные, и счастливые.

Прѣзжаетъ разъ въ ту степь, гдѣ Охлизолова юрта стояла, Кара-ханъ (черный ханъ) со своимъ сыномъ и свитой охотиться. Взять на коняхъ и изъ луковъ звѣрей бьютъ. Спустился Охлизоль къ перелѣску посмотретьъ, какъ Кара-ханъ охотится. Видѣть, люди Кара-хана за лисицей гоняются, изъ луковъ въ нее стрѣляютъ, а попасть не могутъ. А лисица—пушистая, какъ снѣгъ на пихтѣ, и красная, какъ огонь въ юртѣ. Подошелъ Охлизоль къ одному охотнику и взялъ у него лукъ. Прицѣлился и спустилъ стрѣлу. Полетѣла стрѣла, проколола лисицу и въ землю вошла. Бросились всѣ охотники Кара-хана къ лисицѣ и стали ссориться:

— Я убилъ лисицу!

— Нѣтъ—я!

Охлизоль стоитъ и посмѣивается,—даже не подошелъ къ лисицѣ, а пошелъ въ свою юрту. Но сынъ Кара-хана видѣлъ, какъ мѣтко стрѣлялъ Охлизоль, подѣхалъ къ отцу и говорить:

— Хочешь, отецъ, я покажу тебѣ такого стрѣлка, какого и въ нашемъ ханствѣ нѣть? Поѣдемъ со мной; я видѣлъ, гдѣ онъ живетъ.

Захотѣлось Кара-хану стрѣлка посмотретьъ, и поѣхалъ онъ, а за нимъ и вся свита. Вошли они въ юрту Охлизола, увидѣли жену его и онѣмѣли отъ изумленія, слова сказать не могутъ. Такой красоты они никогда не видали; только немногіе слышали о ней отъ стариковъ, когда зимними вечерами въ юртахъ они сказки разсказывали,—такъ хороша и красива была жена Охлизола! Вся свита Кара-хана и онъ самъ, и сынъ его ничего не видятъ, ничего не слышать—все на красавицу смотрятъ. Приказалъ Кара-ханъ свитѣ своей приготовить шашлыки, да такъ, чтобы мясо снаружи не сгорѣло, а внутри не было сырого. Стали слуги Кара-хана жарить шашлыкъ, а сами не сводятъ глазъ съ жены Охлизола. Про шашлыки и забыли.

Видѣть это жена Охлизола и говоритъ:

— Я думала, что у Кара-хана умные слуги и большие мастера шашлыки жарить. А вы на самомъ дѣлѣ—совсѣмъ глупые. Что вы смотрите на меня? Поглядите—у васъ мясо горить.

Испугались слуги Кара-хана. Подошла тогда жена Охлизола сама къ огню, перевернула мясо нѣсколько разъ—и шашлыки были готовы. Кара-ханъ съ сыномъ и большими чиновниками ѳли и хвалили. А когда наѣлись, стали просить Охлизола показать искусство стрѣлять изъ лука. Но сколько ни просили, Охлизоль отказался. Нечего дѣлать—собрались гости и уѣхали.

Только сынъ Кара-хана съ того времени началъ тосковать по красивой женѣ Охлизола—не спить и не Ѣесть. Видѣть Кара-ханъ,

что можетъ своего сына лишиться, и сталъ всячески утѣшать его: подарки дѣлать, всякое желаніе его исполнялъ, чтобы только отогнать тоску, но ничто не помогало.

Вотъ, говорить однажды сынъ Кара-хану:

— Отецъ, вели убить Охлизола и привезти его жену ко мнѣ, или я долженъ умереть.

Какъ ни жалко было Кара-хану своего сына, а просьбу его онъ не могъ исполнить: убить человѣка—нѣть такого закона. Этотъ грѣхъ нельзя ни у какого бога замолить.

— Нѣть, не могу я этого приказать. Если рѣшилъ убить Охлизола, ступай и самъ это сдѣлай, но не смѣй заставлять моихъ слугъ.

Взялъ сынъ Кара-хана ножъ, лукъ со стрѣлами, пошелъ къ Охлизолу и говорить ему:

— Охлизоль, давай будемъ съ тобой биться; кто-нибудь изъ насть долженъ быть убитымъ; вмѣстѣ намъ нельзя жить.

Отвѣчаетъ ему Охлизоль:

— Если ты пришелъ убивать меня, то убивай, а биться я съ тобой не стану.

Подумалъ сынъ Кара-хана и опять говоритъ:

— Давай, будемъ прятаться! Когда одинъ изъ насть будетъ прятаться, другой будетъ искать. Тому, кто три раза подъ рядъ будетъ найденъ, отрубятъ голову.

Видѣть Охлизоль, что ему все равно не сдѣлать, не уйти отъ смерти, что, все равно, сынъ Кара-хана убьетъ его, и согласился. Стали прятаться. Сыну Кара-хана пришлось первому прятаться; пошелъ онъ [прятаться], а Охлизоль остался одинъ и сильно взгрустнулъ: видѣть, что смерть стоитъ надъ нимъ. Сидѣть онъ, горюетъ и плачетъ.

Подошла къ нему жена и говорить:

— Что же ты плачешь, Охлизоль? Найти сына Кара-хана—дѣло совсѣмъ пустое. Ступай къ нему въ юрту, увидишь — тамъ въ углу много шелковья лежитъ: бери и рви его. Тебѣ за это ничего не будетъ. Я знаю, тамъ ты найдешь сына Кара-хана.

Пошелъ Охлизоль, входить въ юрту, видѣть—шелковье, но сразу не подошелъ къ нему, а когда всю юрту осмотрѣлъ, подошелъ и началъ рвать шелковье. Долго рвалъ Охлизоль. А когда взялъ одинъ изъ кусковъ, чтобы и его порвать, кусокъ закричалъ:

— Что ты дѣлаешь, Охлизоль! Мнѣ больно; я—сынъ Кара-хана!

Смотрѣть Охлизоль, а куска уже нѣть; предъ нимъ же стоить сынъ Кара-хана и говорить ему:

— Ну, теперь твой чередъ прятаться; иди!

Пришелъ Охлизоль къ себѣ въ юрту и сталъ думать, куда бы спрятаться, а жена и говорить ему:

— Что долго думаешь? Стой, гдѣ стоишь, и такъ тебя сынъ Кара-хана не найдетъ.

Вотъ, приходитъ сынъ Кара-хана въ юрту и начинаетъ искать Охлизола, а жена Охлизола сидитъ и халатъ своему мужу шить. Смотрить Охлизолъ и дивится: ищетъ его сынъ Кара-хана и не видить, что онъ среди юрты стоять.

Долго искалъ, наконецъ усталъ искать Охлизола и говорить его женѣ:

— Гдѣ же твой мужъ спрятался? Ну, сказывай! Больше я искать его, все равно, ужъ не стану—не найти мнѣ его.

— Да вотъ онъ!—говорить жена Охлизола.

Показала рукой и иголку уронила. Смотреть сынъ Кара-хана, а на томъ мѣстѣ, гдѣ иголка лежала, Охлизолъ стоитъ.

— Ну, одинъ разъ за тобой. Я пойду еще прятаться.

Опять стала печалиться Охлизолъ, найти ли онъ сына Кара-хана, а жена ему и говорить:

— Бѣги скорѣе въ юрту Кара-хана. У самаго входа стоять лукъ со стрѣлами; возьми ту, которая самая маленькая. Это и есть сынъ Кара-хана.

Побѣжалъ Охлизолъ въ юрту Кара-хана. Видить—лукъ со стрѣлами; взялъ маленькую стрѣлу и сталъ ломать ее. А стрѣла и говорить человѣческимъ голосомъ:

— Мнѣ больно; я—сынъ Кара-хана.

Смотреть Охлизолъ—стрѣлы нѣтъ, а передъ нимъ сынъ Кара-хана стоитъ. Стало досадно сыну Кара-хана, что Охлизолъ находить его, а онъ Охлизола не можетъ найти, и говорить:

— Ну, хорошо. Ступай теперь ты прятаться.

Пошелъ Охлизолъ къ себѣ въ юрту, а жена говорить ему:

— Стой подлѣ меня—не найдетъ тебя сынъ Кара-хана.

Только успѣла сказать это жена Охлизола, а въ юрту ужъ входить сынъ Кара-хана Охлизола искать. Искалъ, искалъ, вспотѣль, а не могъ отыскать. И говорить:

— Выходи, Охлизолъ; не могу я тебя найти.

— Да чего ему выходить?—говорить жена Охлизола: — вотъ онъ! Рукой махнула и наперстокъ съ пальца уронила.

Смотреть сынъ Кара-хана—на томъ мѣстѣ, куда наперстокъ упалъ, Охлизолъ стоитъ. Еще больше разсердился сынъ Кара-хана.

— Ну-ка, найди-ка ты теперь меня—сказалъ онъ Охлизолу и убѣжалъ прятаться.

Тогда жена Охлизола говорить своему мужу:

— Не ходи искать теперь въ юрту, а ступай къ рѣкѣ. У рѣки увидишь—старикъ гонитъ „торбаковъ“¹ пасти, а впереди идетъ маленький бурый „торбачишко“; поломай ему хвостъ,—увидишь, какой это торбакъ.

¹ Торбакъ—тлененокъ.

Какъ сказала жена, такъ и сдѣлалъ Охчизоль. Увидѣль стадо торбаковъ, увидѣль и бураго „торбачишку“; подошелъ къ нему и взялъ его за хвостъ. Какъ только взялъ, „торбакъ“ закричалъ человѣческимъ голосомъ:

— Не ломай мнѣ хвостъ.

Смотритъ Охчизоль—„торбака“ уже нѣтъ, а передъ нимъ сынъ Кара-хана стоитъ. Даже побѣлѣль отъ злости сынъ Кара-хана. А Охчизоль пошелъ въ юрту прятаться. Только онъ успѣль подойти къ тому мѣсту, гдѣ жена его шила халатъ, какъ вошелъ за нимъ сынъ Кара-хана и сталъ искать его. Искалъ долго, искаль прилежно, но не нашелъ и говорить:

— Выходи, Охчизоль, не могу я тебя найти.

А жена Охчизола говоритъ:

— А подъ ногами-то у тебя что?

Смотритъ сынъ Кара-хана, а на томъ мѣстѣ, гдѣ бѣлая нитка лежала, Охчизоль лежитъ. Такъ проигралъ сынъ Кара-хана всѣ три раза Охчизолу. Но Охчизоль не сталъ рубить ему голову, а простиль его.

Тогда сынъ Кара-хана пошелъ къ себѣ въ юрту и принесъ ящикъ съ желтыми шелковыми нитками. Нитокъ такъ много, что до неба хватитъ. Взялъ онъ одинъ конецъ отъ клубка, привязалъ за стрѣлу, велѣль позвать самаго сильнаго охотника, чтобы запустилъ стрѣлу въ небо. Тотъ запустилъ стрѣлу въ небо, и нитка зацѣпилась за небо. Тогда сынъ Кара-хана заставилъ Охчизола лѣзть, пока неба не хватить. Лѣзъ Охчизоль, лѣзъ. Юрта стала совсѣмъ маленькой, а онъ все лѣзеть. А когда не стало ему видно ни юрты, ни скота, сынъ Кара-хана оборвалъ нитку, и если бы жена не подбросила кверху войлокъ, Охчизоль полетѣлъ бы внизъ и разбился бы до смерти.

Тогда жена Охчизола отправила мужа къ своему отцу въ юрту и велѣла принести длинный ящикъ, который былъ самый простой, безъ всякихъ рисунковъ. Въ немъ много-много нитокъ лежитъ, такъ много, что до неба хватитъ. Охчизоль принесъ ящикъ. Жена велѣла ему взять одинъ конецъ нитки въ одну руку, а клубокъ въ небо забросить. Сдѣлалъ это Охчизоль. Смотритъ—нитка за небо зацѣпилась. Позвали сына Кара-хана. Охчизоль и говорить ему, что теперь его очередь лѣзть на небо. Полѣзъ сынъ Кара-хана. Лѣзъ, лѣзъ, далеко залѣзъ. Жена Охчизола порвала нитку; сынъ Кара-хана упалъ и разбился до смерти.

Когда узналъ Кара-ханъ, какъ погибъ его сынъ, то позвалъ главныхъ начальниковъ, стариковъ и шамановъ и спрашиваетъ ихъ, какъ отомстить за смерть своего сына. У Кара-хана хорошие были шаманы. Былъ одинъ старикъ, которому всѣ „азы“¹ были послушны: что хотѣль онъ, то азы и дѣлали для него. Захочетъ шаманъ, и азы

¹ Духи.

принесутъ моръ на скотъ, холодъ и снѣгъ въ степи, туманъ, либо долгую засуху. Вотъ и говорить старый шаманъ Кара-хану:

— Не печалься, Кара-ханъ; мы уморимъ весь скотъ у Охлизола, разоримъ все его хозяйство. Я напущу такой туманъ, что скотъ даже травы не увидитъ, съ голоду подохнетъ.

Согласился Кара-ханъ на совѣтъ шамана. И вотъ, напустилъ шаманъ такой туманъ, что люди стали бояться изъ юрты выходить. Но отъ этого тумана страдалъ не одинъ Охлизоль, а и люди Кара-хана, да и самъ Кара-ханъ. Туманъ былъ вездѣ; сталь пропадать скотъ и у самого Кара-хана. Прошелъ такъ день, два, недѣля прошла. И видить Кара-ханъ, что такъ онъ разорить все свое царство, и велѣлъ шаману остановить туманъ.

Тогда жена Охлизола послала своего мужа въ юрту къ своему отцу, чтобы взять отъ него два маленькихъ ящика: одинъ съ туманомъ, другой съ маленькими каменными солдатиками—много солдатиковъ, цѣлое войско. Когда принесъ Охлизоль ящики, взяла жена его ящичекъ съ туманомъ, побѣжала къ рѣчкѣ и бросила ящичекъ съ туманомъ за рѣчку въ ту сторону, где юрты Кара-хана стояли. Смотрѣть Охлизоль, а за рѣчкой туманъ стоитъ, да такой туманъ, что юртъ не видно, а на той сторонѣ, где его юрта, совсѣмъ ясно.

Прошелъ день, другой, и отъ Кара-хана послы пришли и говорять Охлизолу:

— Останови туманъ, или на тебя Кара-ханъ войной пойдетъ!

Охлизоль отвѣчаетъ:

— У меня пѣть тумана, и я не шаманъ, чтобы туманъ останавливать.

Такъ и ушли ни съ чѣмъ Кара-хановы послы.

А на другой день, рано утромъ, еще и солнце не встало, слышить Охлизоль—на броду шумъ стоять, плавится войско Кара-хана. Испугался Охлизоль, какъ онъ будетъ воевать—у него и войска нѣть.

— А это что?—сказала жена Охлизола и бросила второй ящичекъ. Смотрѣть Охлизоль, а передъ нимъ, и на рѣкѣ и дальше, все солдаты стоять. И велѣлъ имъ Охлизоль броситься на войско Кара-хана. Самъ же сѣлъ на коня и впередъ поѣхалъ. Дрались день, а когда солнце къ вечеру стало за гору заходить, войско Кара-хана было перебито, убить былъ и самъ Кара-ханъ. Вода же въ рѣкѣ стала красная, какъ то облако, которое закрыло солнце за горой.

Не стало враговъ у Охлизола. Теперь онъ живеть и надъ всѣмъ царствомъ править.

Сообщилъ С. Теплоуховъ.

Якутскіе материалы, собранные въ 1883—1897 гг.

Материалы, собранные мною за время пребыванія въ Якутской области, разгруппированы, при копированіи ихъ для представлениі въ Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи¹, на три отдѣла:

I. Материалы по истории.

А. Систематическія выписки изъ архивовъ.

Б. Случайно собранный историческій материалъ.

II. Современный юридический и экономический бытъ якутовъ.

III. Материалы смѣшанного характера.

Въ настоящей статьѣ воспроизводится весь третій отдѣлъ этихъ материаловъ, а именно: „материалы смѣшанного характера“, за исключениемъ того, что уже напечатано въ другихъ изданіяхъ въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ, а также записей, не имѣющихъ отношенія къ этнографіи и соприкасающимся съ нею наукамъ (какъ, напримѣръ, маршрутно-барометрическая съемка верховьевъ р. Амги и всего притока р. Олекмы—Крестяха, съ метеорологическими наблюденіями въ пути, записи о такъ называемыхъ „тарынахъ“ и др.).

1. Извѣстный по Уваровскому² разбойникъ „Грузинъ“ проѣзжалъ со своею шайкою по Алдану и завернуль къ богачу-якуту Сабырын-у. Онъ пыталъ послѣдняго, стараясь вывѣдать, гдѣ у него спрятаны „монеты“: сѣкъ розгами и жарилъ передъ огнемъ. Но толькъ ничего не выдалъ. Въ заключеніе вся шайка изнасиловала дочь хозяина, по прозванию Буобура. По уходѣ шайки отецъ опозоренной дѣвушки (которую никто не взялъ бы уже замужъ) предложилъ ее своему работнику, по имени Бурдуі Кусума, за калымъ въ 40 скотинъ, разсрочивъ уплату калыма на неопределеннное время, причемъ даль еще дочери приданое (їнїа). Работникъ согласился, такъ какъ былъ ловкимъ и счастливымъ промышленникомъ. Онъ уплатилъ тестю весь калымъ, чemu способствовало то обстоятельство, что ему удалось упромыслить чернобурую лисицу.

¹ Копіи посланы также въ В.-С. Отдѣлъ Императ. Русск. Географич. Общества и въ Якутскій Областной Статистической Комитетъ.

² „Убарыскай ахтыта“.—См. O. Böhlingk, Ueber die Sprache der Jakuten. Theil I. Jakutischer Text.

Отъ Бурдуя было потомство, между прочимъ, два Ивана Винокуровыхъ¹ (въ 4-мъ Баягантайскомъ наслегѣ, Баягантайского улуса, Якут. окр.).

Проводникомъ „Грузина“ былъ якутъ Остафій, внуки брата которого (напримѣръ, Устинъ Моюковъ-Бопосовъ) и теперь живутъ на Отохту.

Записано со словъ якута С. В. Слѣпцова² 23 апрѣля 1894 г.

2. Привожу здѣсь для удобства сопоставленія выдержки изъ архивнаго дѣла Баягантайской инородной управы за 1812 годъ—по описи Готовцева, № 275—по той системѣ, по которой вообще мною велись выписки изъ архивныхъ дѣль.—Здѣсь—кое-что объ Остафіи.

По предложенію иркутскаго гражданскаго губернатора: предписывается не щадить сопротивляющихся бѣглыхъ (со множествомъ ссылокъ на законы), а несопротивляющихся братъ осторожно.

Указъ Земскаго Суда 12 сентября 1812 г., № 3028.

Предписывается охранять отъ разбойниковъ вообще, а въ частности—отъ двухъ якутовъ-разбойниковъ „улусныя и наслежныя дѣла“, находящіяся у улуснаго писаря на уроцішѣ Дабарчинѣ. Опись печати писаремъ Шестаковымъ перечеркнута,—самой печати нѣть.

Приказъ головы „капралу, живущему на уроцішѣ Дабарчинѣ“, 24 мая 1813 года, № 103.

До свѣдѣнія головы дошло, что рыщутъ разбойники въ неизвѣстномъ числѣ, а между ними—якуты Остафій и Бысыйдахъ. По этому поводу голова передаетъ вкратцѣ указъ Земскаго Суда за № 3028 и даетъ соответствующее наставленіе.

Приказъ головы князцамъ 25 мая 1813 г.

Остафій и Бысыйдахъ, бѣжавши изъ гор. Якутска и назначенные на поселеніе въ Охотскъ,—родники князца Петра Андросова,—появились въ юртѣ у родниковъ того же князца (на Таттѣ), воору-

¹ Оба были „князьями“ (кінѣс), т. е. служили по выборамъ.

² Симонъ Васильевичъ Слѣпцовъ, инородецъ 2-го Игидейского наслега, Баягантайского улуса, Якутскаго округа. Самоучкой выучился читать и писать по-якутски уже на 25-мъ году. Выдающійся по уму, очень вдумчивый и осторожный въ сужденіяхъ, онъ оказалъ неоцѣнимыя услуги всѣмъ жившимъ поблизости и занимавшимся изученіемъ быта якутовъ—Н. А. Виташевскому, Э. К. Пекарскому, В. Ф. Трощанскому и мнѣ.—В. Гоновъ.

Ссылки на С. В. Слѣпцова вездѣ ниже обозначаются инициалами: С. В.

женные пальмами, и неизвестно куда скрылись. Князець Петръ Постниковъ просить вооруженныхъ людей отъ головы и отъ другихъ князцовъ для преслѣдованія разбойниковъ.

Рапортъ князца Петра Постникова
головъ 23 мая 1813 г.

Рапортую о фактѣ и о своемъ приказѣ отъ 25 мая, голова про-
сить и Земскій Судъ „принять свои мѣры“ къ поимкѣ.

Рапортъ головы въ Земскій Судъ
28 мая 1813 г.

Родникъ головы поймалъ якута, назначенаго на поселеніе въ Охотскъ и оттуда бѣжалшаго. Предписывается отправить его черезъ наслеги (въ городъ?) за крѣпкимъ карауломъ.

Приказъ головы двумъ якутамъ
князца Петра Постникова 5-го іюня
1813 г., № 138.

Въ этомъ дѣлѣ—и сыскные указы, въ томъ числѣ о нѣсколь-
кихъ бѣглыхъ якутахъ,—между прочимъ, и о бѣглыхъ изъ поселен-
цевъ съ Охотскаго тракта.

Выдержки сдѣланы лѣтомъ 1894 г.

3. А. С—въ, занимавшій до того времени выборную должность и выбранный на ту же должность и теперь, по смерти Гаврилы Андро-
сова укралъ изъ табуна покойнаго жирную кобылу и продалъ ее за 40 рублей другому якуту, сказавъ послѣднему, что вдова Гаврилы
поручила ему продать эту кобылу. Зналь о кражѣ и сынъ А. С—ва,
воспитаникъ Гаврилы. Якутъ, купившій кобылу, тотчасъ же убилъ ее
и сталъ распродавать по частямъ (міастѣлѣн). Старуха-вдова прослы-
шала объ этомъ и подала разсказчику С. С. (который былъ въ то время
старостою наслега), т. е. въ родовое управление, прошеніе на якута,
купившаго кобылу. С. С. посовѣтовалъ старухѣ переписать прошеніе
и привлечь къ отвѣтственности самого А. С—ва. Тѣмъ временемъ
С. С. распорядился透过 десятскаго арестовать оставшіяся непродан-
ными части (міастѣ), куда входила и шкура (о дѣленіи убитаго коня на
8 міастѣ—см. мою статью въ „Сибирскомъ Сборнике“ за 1890 г.,
кн. II). Якутъ явился къ С. С. и принесъ въ подарокъ плохонькую
сиводушку, цѣною рублей въ 6. Между тѣмъ, въ родовое управление
поступило новое прошеніе, указывавшее уже на А. С—ва, какъ на
похитителя кобылы. С. С. призвалъ къ себѣ А. С—ва и наединѣ уго-
варивалъ его покончить со старухою дѣло миромъ. А. С—въ сталь
отпираться. С. С. пригрозилъ скандаломъ, указывая на то, что есть
свидѣтели, и созвалъ тайный совѣтъ: Леонтия Слѣпцова, Ивана Бата-
кова и др. („лучшіе люди“ наслега). На совѣтѣ рѣшено было заставить

А. С.—ва уплатить старухъ стоимость кобылы и 10 руб. за расходы по писанию прошений. На этомъ дѣло и кончилось.

Этимъ рассказомъ С. С. иллюстрировалъ передо мною сабы или сапсы, какъ юридической институтъ¹.

Записано со словъ С. С. 23 апрѣля
1894 г.

4. Въ горнъ къ кузнецу влетѣли два болгую (куски недоплавленной желѣзной руды, которые перерабатываются въ желѣзо уже самими кузнецами²). Это были сражающіеся абасы бухатырдар (богатыри—злые духи). Какъ только они попали въ горнъ, раздуватель мѣховъ началъ дѣйствовать, а кузнецъ выковалъ изъ каждого болгую по большому гвоздю и закалилъ послѣдніе въ сосудѣ, гдѣ была собрана моча семи кытарах чахтар—рожавшихъ, но не беременныхъ женщинъ. Оба гвоздя треснули одинаково—въ 9 мѣстахъ каждый. Тогда кузнецъ вышвырнулъ ихъ прочь со словами: „Экіе черти! Оба одинакіе... Ну, теперь вѣдайтесь сами!“ (якутскій текстъ у меня не приведенъ; думаю, что словомъ „черти“ я перевелъ слово адарайдар).

Этимъ рассказомъ С. С. подтверждалъ, что у якутовъ было нѣчто въ родѣ „суда божія“.

Записано отъ него же, тогда же.

5. У Устина Моюкова есть взрослая дочь, но мальчики до сихъ поръ умирали всѣ. Поэтому послѣдняго мальчика онъ тотчасъ же послѣ рожденія отвезъ якуту другого рода на воспитаніе. Боясь, далѣе, чтобы съ коровой, которую слѣдовало дать на прокормленіе ребенка, не пошелъ и абасы, пожиравшій души его мальчиковъ, отецъ не далъ коровы. Мало того: онъ не далъ, по тѣмъ же соображеніямъ, и платья.—За содержаніе мальчика онъ платить теперь деньги тайкомъ. Между супругами обѣ этомъ ребенкѣ никогда никакихъ разговоровъ не бываетъ. Устинъ не говорилъ даже вовсе женѣ, куда дѣлся ихъ сынъ, но она, несомнѣнно, знаетъ теперь, что мальчикъ живъ, и даже, можетъ-быть, догадывается, у кого онъ находится. Если бы работники заговорили обѣ этомъ ребенкѣ въ присутствіи отца или матери, то послѣдніе разсердились бы.

Записано отъ него же, тогда же.

6. Абасы кыса³ преслѣдуетъ человѣка и вотъ-вотъ готова настѣгнуть его и сѣсть. Человѣкъ взмолился: „Хоть бы мнѣ добѣжать

¹ Сап—покрыть; сабы—ыс (с—суффиксъ совмѣстности)—покрыть другъ друга; сабы, сапсы—покрытие.—В. Ионовъ.

² Это, собственно говоря,—желѣзо-сырецъ якутской выплавки, а не руда, ибо идетъ прямо въ дѣло. Оно сухо, жестко, нѣсколькосталевато.—В. Ионовъ.

³ Абасы—духъ-пожиратель; кыс—дочь, дѣвушка.—В. И.

до ајы бухатыра¹,—тотъ, навѣрное, меня спась бы! Сколько уже лѣть гонится за мной абасы кыса,—я усталъ страшно”.—Наконецъ, онъ добѣжалъ до ајы бухатыра. Такъ какъ онъ прибѣжалъ съ юга, откуда должна была появиться вслѣдъ за нимъ и абасы кыса, то ајы бухатыра отвелъ его къ сѣверу и поставилъ недалеко отъ себя. Прибѣгаеть абасы кыса и спрашиваетъ ајы бухатыра, гдѣ человѣкъ, котораго она преслѣдуєтъ. Ајы бухатыра отвѣчаетъ, что этотъ человѣкъ былъ здѣсь, но ушелъ далеко на сѣверъ, заявивъ ему, ајы бухатыра, что ни за что не дастся атаџар іктір кыска (на ноги себѣ мочащейся дѣвушкѣ—выраженіе неуваженія къ презираемой дѣвушкѣ),—что онъ быстрѣе ея и что спрячется на сѣверѣ въ морской песокъ, превратившись въ рыбу. Но абасы кыса говоритъ, что около ајы бухатыра слышится запахъ преслѣдуемаго ею человѣка, и потому онъ, ајы бухатыра, вѣроятно, спряталъ его у себя. Ајы бухатыра опять увѣряетъ абасы кыса, что человѣкъ этотъ ушелъ на сѣверъ. Тогда абасы кыса вынимаетъ свою нижнюю челюсть и гадаетъ, бросая ее, какъ при гаданіи шаманъ бросаетъ ложку (түбрѣхтір²). При словахъ: „на востокъ ушелъ?” челюсть падаетъ умса; при словахъ: „на югъ ушелъ?” и „на западъ?”—тоже. При словахъ же „на сѣверъ ушелъ?” челюсть падаетъ олоро (см. мою статью „Материалы для изученія шаманства у якутовъ” въ Запискахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества по этнографіи, т. II, вып. 2-й, стр. 48). Узнавъ, такимъ образомъ, что преслѣдуемый ею человѣкъ находится на сѣверѣ, абасы кыса отправилась туда. Но такъ какъ этотъ человѣкъ былъ очень близко отъ ајы бухатыра и абасы кыса повѣрила, что онъ ушелъ къ сѣверному морю, то она и не замѣтила его тутъ. Тогда ајы бухатыра сошелся со спрятаннымъ имъ человѣкомъ, и они, между прочимъ, бінуллара³. Поднялась съ сѣвера выюга,—прилетѣли облака: то пришла съ сѣвера абасы кыса. Ајы бухатыра спряталъ человѣка къ югу отъ себя; произошелъ между абасы кыса и ајы бухатыра прежній разговоръ, и она опять гадала бросаніемъ своей челюсти, и челюсть указала ей, что человѣкъ ушелъ на югъ. То же потомъ повторилось и насчетъ запада и востока.

Отрывокъ изъ сказки. Записано отъ него же, тогда же.

¹ Ајы—творческое начало. Ајы бухатыра—свѣтлый богатырь; чаще всего это—богатырь-человѣкъ.—В. I.

² Түбрѣх—всякій предметъ, служащий для гаданія путемъ бросанія на землю: ложка, рукавица, шапка, колотушка для бубна (у шамана). Благопріятнымъ или утвердительнымъ отвѣтомъ считается, когда предметъ упадетъ открытої или вогнутой стороной вверху. Въ такомъ случаѣ говорятъ олоро тѣстѣ. Въ противоположномъ случаѣ скажутъ умса (ничкомъ) тѣспут.—В. I.

³ Оінуо—играть, забавляться.—В. I.

7. Знаменитый шаманъ околотка Куба уола (съ Отохту) былъ позванъ иѣсколько лѣтъ тому назадъ къ Александру Неустроеву на Ёмокбн, такъ какъ Неустроева мучили абасылар, желая заставить его сдѣлаться шаманомъ. А. Неустроевъ сказалъ съ гнѣвомъ Куба уола (повидимому, по окончаніи шаманскаго дѣйствія, произведенаго послѣднимъ): „ты—не настоящій шаманъ; брось это занятіе!“ Возвра-щаясь съ Ёмокбн, Куба уола промочилъ свою одежду (шаманскую) и бубень и во время остановки повѣсили эти вещи на дерево про-сушить. Неожиданно ударилъ дождь, и всѣ заторопились, такъ какъ тамъ, благодаря каменистости почвы, отъ дождей ручьи и рѣчки быстро наполняются водой и преграждаютъ путь иногда на цѣлые недѣли. Куба уола забылъ на деревѣ свои шаманскія регалии и вспомнилъ объ этомъ уже тогда, когда путники перебрались черезъ рѣчку, которая успѣла уже запереть путь къ возвращенію. Но Куба уола уже не заботился о своей одеждѣ: онъ рѣшилъ, что Александръ Неустроевъ устроилъ всю эту штуку и что ему дѣйствительно нужно бросить свое ремесло. Онъ остался безъ одежды и безъ бубна. Всю эту исторію онъ передалъ разсказчику, когда послѣдній просилъ у него его шаманскую одежду для Якутскаго Музея. Сомнительно, чтобы это было простой отговоркой со стороны Куба уола, такъ какъ онъ тутъ же указалъ другого шамана (телейскаго), у котораго можно достать одежду и бубень; кроме того, разсказчикъ пользовался гро-маднымъ довѣріемъ со стороны якутовъ. На замѣчаніе, что Куба уола еще недавно совершаѣтъ шаманскія дѣйствія, разсказчикъ полу-чилъ отвѣтъ, что для этого тотъ занималъ одежду.

Записано со словъ свящ. Иннокентія
Неустроева на Баягѣ 2 мая 1894 г.

8. Якуть Этехтюйскаго ¹ наслега Бурбанаѣ былъ въ молодости при шаманѣ кутурук салајаччи: обязанъ былъ, слѣдуя за шама-номъ во время дѣйствія, подражать всякому движенію шамана. При этомъ онъ выкидывалъ такую штуку: все подражая шаману, онъ вдругъ даетъ ему ногою сильный пинокъ въ заднюю часть тѣла, а когда шаманъ обернется и прикрикнетъ на него, то онъ оправды-вается тѣмъ, что это является у него движеніемъ непроизвольнымъ,— что это абасылар заставляютъ его давать шаману пинки. — Раз-сказчикъ слышалъ это отъ Трофима Неустроева (богача 4-го Баягантай-скаго наслега), и тотъ говорилъ ему, что присутствовавшіе при та-кихъ дѣйствіяхъ якуты сильно смѣялись.

Записано отъ него же, тогда же.

9. Границей между Верхоянскимъ улусомъ и Якутскимъ окруж-

¹ 2-й Игидейскій наслегъ, Баягантайскаго улуса, Якутскаго округа.—В. І.

гомъ считается Верхоянскій хребетъ; но за Алданомъ жилье (люп-синскихъ якутовъ) простирается всего на 30 верстъ.

Якутъ Марченко. Командировка
1893 г.

10. Отъ пункта, гдѣ находится домъ госуд. ссылочаго Сиповича (Намскій улусъ), на западъ—2-й Модутскій наслегъ съ густымъ населеніемъ, а на съверѣ отъ этого пункта дальше 200 верстъ населеніе не простирается.

Чикоидзе. Команд. 1893 г.

11. Отъ Алданской церкви населеніе не простирается къ съверу дальше, какъ на 60 верстъ.

Сириковъ. Запись до 1893 г.

12. Верстахъ въ 50 къ съверу отъ Якутска, по Намскому тракту, на 7-й или 8-й верстѣ послѣ подъема на гору, по лѣвую сторону отъ дороги находится озеро, у которого стоять два „идола“: женскій—iäjäxсіт¹ и мужской; якуты приносять имъ жертвы въ случаяхъ падежа скота (и еще какихъ-нибудь?).

Источникъ не указанъ.

13. Около с. Покровскаго (у Якутска) было послѣднее (?) крупное сраженіе между русскими и якутами, послѣ которого именно и разсѣялись кангаласцы (якутскій родъ, который известенъ теперь подъ названіемъ Кангаласскихъ улусовъ - Западнаго и Восточнаго) по всей области.

Источникъ не указанъ.

14. Недалеко отъ Мегинской управы есть шаманская могила, уже свалившаяся съ помоста; въ могилѣ—черепъ и много костей, а также—остатки одежды, оружія, утвари и пр.

Изъ разспросовъ на мѣстѣ до 1893 г.

(Примѣчаніе 1915 года: Могила эта въ 1894 г. была мною посѣщена, и я взялъ изъ нея все, что оказалось возможнымъ взять. Все взятое передано мною тогда же на храненіе въ Якутскій Музей).

Н. Виташевскій.

¹ Духи-женщины, покровительствующія человѣку и животнымъ.—В. И.